

УДК 111.8
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.3
EDN SSHCAL

Научная статья

ЛИЧНОЕ БЫТИЕ: ПРИЗНАНИЕ И ОПРАВДАНОСТЬ (К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОНТОЛОГИИ)

PERSONAL BEING: RECOGNITION AND JUSTIFICATION (ON THE ISSUE OF SOCIOCULTURAL ONTOLOGY)

*Е. В. Золотухина-Аболина**

ORCID: 0000-0002-5954-2758

*Elena V. Zolotukhina-Abolina**

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является рассмотрение индивидуального человеческого бытия, осознаваемого как «Я» через призму социокультурной онтологии. Автор ставит задачу описать существование личности как часть бытия культуры, обладающей коммуникативной природой, а также отметить разные модусы переживания индивидом его экзистенциального статуса среди других людей, связанного с оценкой его значимости.

Objective of the study is to consider the individual human being, realized as “I” through the prism of socio-cultural ontology. The author sets the task to describe the existence of a personality as part of the existence of a culture with a communicative nature, as well as to note the different modes of an individual’s experience of his existential status among other people associated with the assessment of his significance.

Методологическую базу исследования составляют в первую очередь гуманистические идеи психологов и философов XX века, задающие видение внутреннего мира индивида через призму постоянных социокультурных интеракций, а также идеи отечественного философа В. Б. Меласа, предлагающего рассматривать существование в культуре с помощью категорий *принятия, признания и поддержки*, без которых и человек, и артефакт оказываются условно «не существующими».

The methodological basis of the research is primarily the humanistic ideas of psychologists and philosophers of the twentieth century, which set the vision of the inner world of an individual through the prism of constant socio-cultural interactions, as well as the ideas of the Russian philosopher V. B. Melas, who proposes to consider existence in culture using the categories of acceptance, recognition and support, without which both a person and an artifact turn out to be conditionally “non-existent”.

© Золотухина-Аболина Е. В., 2024

Результатом исследования выступает фиксация того факта, что в социокультурном контексте *бытие* человека – и его образ в глазах других людей, и его самочувствие – определяется тем, как он *принят, насколько признан и поддержан*. «Непризнанный» и «неподдержанный» исчезает с социокультурного горизонта и в результате этой лишенности статуса превращается в определенном смысле в «ничто». Поэтому автор отмечает значимость самопринятия, самопризнания и самоподдержки, когда индивид, заботясь о себе, оказывается не только способен сохранить свой бытийный статус, но и стать опорой для других. Частью усиления экзистенциальной укорененности в жизни и культуре выступает также представление человека, что его бытие *оправдано* – в глазах других и в его собственном представлении.

Перспективы исследования. Каждый из пунктов, из которых складывается данная статья, может быть развернут на более обширном материале. Так, могут быть подробно проанализированы и варианты переживания «ничтожности», и варианты приближения «Я» к чувству «полноты бытия», как ситуации «непризнанности» в разных жизненных обстоятельствах, так и полнота признания, имеющая разные последствия. Для темы оправданности жизни весьма перспективен сюжет оправданности любовью.

Ключевые слова: личное бытие, социокультурная онтология, индивид, субъективность, значимость, принятие, признание, поддержка, оправданность существования

Results of the study of the research is the fixation of the fact that in a socio-cultural context, a person's being – and his image in the eyes of other people, and his well-being – is determined by how he is accepted, how recognized and supported. “Unrecognized” and “unsupported” disappears from the socio-cultural horizon and, as a result of this deprivation of status, turns into “nothing” in a certain sense. Therefore, the author notes the importance of self-acceptance, self-recognition and self-support, when an individual, taking care of himself, is not only able to maintain his existential status, but also become a support for others. Part of the strengthening of existential rootedness in life and culture is also the idea of a person that his being is justified – in the eyes of others and in his own view.

Research perspectives. Each of the points that make up this article can be expanded on a more extensive material. In this way, options for experiencing “insignificance” and options for approaching the “I” to a sense of “fullness of being” can be analyzed in detail, both situations of “non-recognition” in different life circumstances, and the completeness of recognition, which has different consequences. For the theme of justification of life, the plot of justification by love is very promising.

Keywords: personal being, sociocultural ontology, individual, subjectivity, significance, acceptance, recognition, support, justification of existence

Введение

Проблема, которой посвящена эта статья, является экзистенциальной в двух смыслах – как проблема *самочувствия* человека в мире и как вопрос его *социально-онтологического статуса*. Она касается и внутреннего, душевного состояния и окружающей коммуникативной действительности, которая в этом состоянии отражается и одновременно его создает. Это проблема «моего бытия» – существую ли я, и «кто я есть на белом свете»? От того,

как прочитывается это «кто?», нередко зависит и то, реален ли индивид для других, и то, насколько он значим для самого себя.

Методологический подход

О бытии человека как личности, индивидуальности писали в XX веке и пишут сейчас многие авторы. Этому сюжету, взятому в разных ракурсах, посвящены труды философов-экзистенциального направления, таких как К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, знаменитых западных психотерапевтов – Э. Фромма, А. Маслоу, В. Франкла, о нем размышляют известные российские психологи и философы – Ю. М. Орлов (Орлов, 1991), Ю. М. Резник (Резник, 2017) – и их коллеги В. Е. Баранов (Баранов, 2008), А. В. Королев (Королев, 2008), Д. С. Федин (Федин, 2012) и др. Однако в качестве методологического подхода к рассмотрению темы я возьму идеи отечественного философа и математика В. Б. Меласа (Мелас, 2016).

Согласно идеям этого автора, в контексте социокультурных отношений всякое существование возможно только тогда, когда оно не только воспринято, но также *принято, признано и поддержано*. То есть важнейшим условием *бытия* является утверждение его *значимости и ценности*, то одобрение, которое следует со стороны окружения. В этом смысле, потеряв значимость, в небытие могут кануть самые разные артефакты и явления культуры, они даже могут физически не исчезать, но, став никому не нужными и не важными, выпадают из поля зрения и как таковые «уходят в небытие» (в этом смысле забвение – ярко выраженный вид небытия). Все это касается и жизни личности, индивида, который не только воспринимает отношение окружающих, но и формирует самоотношение, в немалой степени проецируя на себя взгляд Другого.

Существую ли «Я»?

Самоощущение любого живого движущегося существа, даже одноклеточного, рождается в результате необходимости для него соотноситься с окружающей средой, с «объемлющим строем» (Хант, 2004. С. 114–128, 179–188), который меняется при движении. Можно сказать, что любое движущееся существо обладает *самосоотнесенностью*, неким «прото-Я» и чувствует, что оно есть, существует. Это предпосылка, которая у человека разворачивается в сознание и самосознание, в отчетливое переживание и осознание *собственного бытия*. Вырастая, социализируясь, человек все более рефлексивизирует и понимает, что он существует, но не только как осязаемое физическое тело, а как «человек среди людей». Об этом в социальном аспекте писал не только К. Маркс, но и представители символического интеракционизма XX века, в частности Ч. Кули, автор известной концепции «зеркального Я»: «...Почти все наше рефлексивное сознание – т. е. наше бодрствующее состояние разума – есть социальное сознание, ведь чувство нашей связи с другими лицами или других лиц друг с другом вряд ли может не быть его частью. Я и обще-

ство – единоутробные братья, и мы знаем каждое из них так же непосредственно, как и другое» (Кули, 2019. С. 136).

Все свои представления и о мире, и о себе индивид изначально получает от окружающих, и их *восприятие, принятие, признание и поддержка* формируют в нем уверенность или неуверенность, высокую или низкую самооценку, чувство укорененности в жизни, спокойствия или же тревоги. Я существую, когда я признан как существующий, когда моя значимость подтверждена. «...За физическим рождением и биологическим приобретением жизни, – отмечает известный психиатр Р. Лэнг, – следует экзистенциальное рождение ребенка как реального и живого» (Лэнг, 1995. С. 36). Но если человека изначально игнорируют, обижают, третируют, не учитывают его потребностей и стремлений, то это может вызывать сомнения в собственном бытии, в собственной реальности, ведь оно не признано и не поддержано! Тогда, отмечает Лэнг, человек утрачивает «твердую сердцевину онтологической уверенности», он начинает сомневаться в бытии собственного Я, ощущает себя скорее мертвым, чем живым, переживает разорванность своего бытия во времени. Для таких индивидов характерен вопрос «Существую ли “Я”?»

Разумеется, чувство дереализации и деперсонализации ярко проявляется в патологических случаях, но широкая распространенность депрессии в современном обществе указывает на то, что сомнения в собственном существовании, его ценности и значимости мучают и людей, формально здоровых. Сомнение в своей бытийной укорененности связано одновременно с утратой смысла жизни и с потерей «базисного доверия к миру» (Э. Эриксон). То есть разъедающее сомнение охватывает все области бытия – и внешнюю реальность, которая видится одновременно зыбкой и угрожающей, и собственную жизнь, которая оценивается как ничтожная, ничего не значащая. Тот, кто не принят другими, остается в экзистенциальной пустоте, и это связано и с отчуждением, царящим в нынешнем урбанизированном, рыночном, цифровом обществе, и с неверием в трансцендентное, на поддержку которого может надеяться верующий. Впрочем, к счастью, и сегодня хватает людей, которые не испытывают подобных страданий. Тот же Р. Лэнг пишет в 60-е годы XX века, и сказанное им ничуть не устарело: «...Индивидуум может переживать свое собственное бытие как реальное, живое и цельное; как отличающееся в обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение» (Лэнг, 1995. С. 36).

Поиском и описанием такой «твердо стоящей на ногах» личности, явно принятой, признанной и поддержанной окружением, а значит, онтологически и физически здоровой, заняты выдающиеся психологи XX века: это и Э. Фромм, и К.-Г. Юнг, и А. Маслоу, а также многие другие. Они ищут условия становления и существования онтологически укорененного индивида в то время, как их неявные оппоненты, такие как Ж.-П. Сартр или Ж. Ла-

кан, напротив, подчеркивают глубокую противоречивость любой личности. С точки зрения «трагических мыслителей», каждый человек *бытийно разорван* в силу своей зависимости от других, так как они «хранят тайну его Я», достраивают его до целостности и создают по своему усмотрению его образ.

«Мое несовершенно Я» и условия его бытийной полноты

Итак, с противоречиями или без противоречий, но индивид не может чувствовать себя действительно и полноценно существующим, если он *не принят, не признан и не поддержан во всех смыслах своим окружением*. И если одни люди отвергают или игнорируют нас, то, несомненно, должны быть другие, которые видят в нас людей, сочувствуют нам, признают наши нужды и идут навстречу нашим потребностям. Без признания индивида *человеком, заслуживающим внимания*, он просто гибнет, будь то в дремучем лесу или в не менее дремучем современном мегаполисе.

Собственно, принятие и признание, уверяющее человека в том, что «он есть» (занимает место среди людей, вписан в социокультурный порядок), начинается с семьи или с того круга лиц, которые семью заменяют. Именно в этом кругу мы обретаем первое признание и статус как *действительно существующие*, потому что о ребенке надо заботиться, и на какой-то период своей жизни дитя делается важным центром чужих хлопот, внимания, довольства и недовольства. На самом деле, семья и родня на всю жизнь остаются для любого из нас той ценной малой группой, для которой мы *экзистенциально значимы, актуальны*. Это те неравнодушные Другие, которых волнует, болен ты или здоров, хорошо тебе или плохо. Наличие любящей заботливой семьи, даже если она была только в детстве, оказывается до конца дней крепкой бытийной опорой. И очень важно, что семья принимает и утверждает своего младшего члена со всеми его несовершенствами: пусть он некрасив, физически слаб или у него вздорный характер, – все равно он нерушимо «есть», и он – «наш», его нельзя оставить без поддержки.

Когда человек взрослеет, и круг его общения расширяется, то *факт его несомненного, значимого бытия начинают удостоверять другие персоны* – воспитатели, учителя, товарищи, профессиональный круг, возлюбленные, члены новой, уже его собственной семьи, товарищи по интересам и совместному творчеству и т. д. В пределе – это любые представители рода человеческого, прохожие и проезжие, свои и чужие, любого цвета кожи: если они относятся к нам благожелательно, то подтверждают нам, что «мы есть», и «есть» именно как люди. Тем не менее особенно весомы подтверждения, которые психологи порой называют «поглаживаниями», поступающие от тех, кого мы ценим и с кем себя идентифицируем. Быть принятым и одобренным в тех кругах, которые ты считаешь своими «эталонными группами», – это все более *«обретать бытийный вес»*, становиться уважаемым и ощущать себя подлинно наличным и живым. «Эталонная группа, – отмечает извест-

ный представитель символического интеракционизма Т. Шибутани, – придерживается ценностей, соотносением с которыми человек оценивает свои поступки. Его линия действия, следовательно, зависит от реальных или предполагаемых реакций других людей...» (Шибутани, 1999. С. 218). Добавим, что не только действия человека, но и комфортное ощущение себя в мире как «настоящего» и полноценно существующего», зависят от благосклонности эталонных групп. Конечно, их может быть много, а некоторые могут и вовсе располагаться за пределами текущей повседневной ситуации (если человек, например, считает «своей компанией» писателей или философов прошлого), но среди них есть наиболее значимые, причастность к которым и одобрение которых питает наше самолюбие и укрепляет наш «бытийный статус». Когда важные для индивида персоны говорят ему «ты – настоящий инженер!» или «ты отличный художник!», а также дают премии, повышают зарплату, награждают орденами и званиями, то человек укрепляется в своем социокультурном существовании.

Однако онтологически важными бывает одобрение не только «эталонного круга», но и *самых широких масс*. Это относится к крупным политикам, большим руководителям, писателям, режиссерам и актерам, обретшим и не теряющим успех и славу. Они словно бы пускают глубокие онтологические корни, опираясь на восхищение или страх миллионов, становятся словно несокрушимые великаны, почти вечные, почти бессмертные... Если пользоваться выражениями, присущими энергетической парадигме, то такие всеобщие признанные индивиды получают в ответ на свой волевой и эмоциональный посыл гигантский по мощи ответ от огромного числа людей, который подпитывает их энергией. И очень важно, чтобы эта бытийная подпитка, признание и поддержка не оборвались внезапно, ибо подобная утрата грозит «падением с небес», утратой культурно-онтологического статуса, а затем, вполне возможно, и самой физической жизни. Социокультурное крушение нередко приводит к реальной смерти индивида – самоубийству или неизлечимой болезни. Тот, кто стал отвергнут, больше не признан, оказался не у дел, переживает собственную «ничтожность», невостребованность и незначимость. Мало кто из «низвергнутых с социокультурного Олимпа» способен сохранить подлинное достоинство и продолжить свое бытие в ином модусе и ином статусе.

И этот факт, хотя он и касается в данном случае судеб узкого круга, красноречиво свидетельствует о том, что *онтологическая стабильность индивида*, его «Я есть», исторически возникая из поддержки окружающих, должна быть дополнена его *самопринятием, самопризнанием и самоподдержкой*. При благополучном раскладе взрослая личность всегда обладает *немалой долей автономии*. Это выражается в способности самостоятельно мыслить, принимать решения, понимать собственные потребности и чувства. Не ближний круг, и тем более не круг дальний определяют экзистенциальную устой-

чивость сложившегося человека, выслушав всех, он *строит свою судьбу сам*. Кроме того, друзья могут уехать, поклонники охладеть, зарплата сократиться, жена или муж изменить, политика поменяться, друзья стать равнодушными и прочее, и прочее. И, чтобы жить дальше и при этом не потерять стойкости и не покинуть этот мир раньше отведенного Провидением срока, человек должен иметь «*мужество быть собой*» (Тиллих, 1995). Тот, кто «стал собой» и при этом связан теплыми узами с кругом друзей, коллег и любимых, оказывается очень стойким в житейских бурях и бытийно укорененным.

Подчеркнем, что не только ближние сообщают нам онтологическую реальность и крепость, мы в ответ тоже обеспечиваем им «надежность их существования», экзистенциальную и социальную поддержку – это процесс взаимный и обоюдный. Но каждый при этом в полной мере *ответственен за собственное бытие*, за то, что он существует и за то, как именно он *существует*. Важно принять себя как субъекта, как реального деятеля, и последовательно утверждать себя в этом качестве. Здесь вспоминается шуточный заголовок одной из книг психолога В. Леви: «Возлюби себя как ближнего своего» (Леви, 1977. С. 10). Хотя речь, скорее, идет не о «любви», а о принятии себя, об одобрении своего жизненного авторства, потому что именно оно свидетельствует о том, что мы «занимаем достойное место под солнцем» – онтологически прочны.

А достаточно острой экзистенциальной проблемой современности является то, что люди себя часто не любят, не принимают, не признают и тем умаляют собственное бытие, скукоживают его, видят себя не как реальный источник поступков, а как некую тень, не достойную того, чтобы вообще «быть». Иногда они прикрывают эту нелюбовь и *онтологическую отрицательность* хвастовством, нередко – агрессией, часто – показным презрением к другим или иронией, которая на самом деле означает проецирование собственной *онтологической недостаточности* на других. Ибо человек, во всех смыслах бытийно утвержденный, не будет ни ёрничать, ни презирать других людей, ни злобно насмехаться над ними – он слишком силен и великодушен, чтобы хлопотать о том, как уязвить соседа.

Что же мешает людям принимать себя, одобрять и любить себя, поддерживать себя в работе и борьбе? То есть «держат себя в бытии», не опираясь ежеминутно на поддержку извне?

Одна причина – наличие в личной Я-концепции фигуры «идеального Я», о котором писал в свое время психолог Карл Роджерс, автор подхода «клиент-центрированной терапии». Исследователь Т. Д. Скуднова отмечает: «Центральным компонентом структуры личности Роджерс считал “Я-концепцию” (Self-conzept), формирующуюся в процессе взаимодействия субъекта с окружающей социальной средой, интегральным механизмом саморегуляции поведения человека и включающую в себя “Я-реальное” (какой я есть на са-

мом деле) и «Я-идеальное» (каким бы я хотел быть) (Скуднова, 2022. С. 77). Термином «конгруэнтность» Роджерс обозначал гармоничное и спокойное единство реального и идеального Я, однако в жизни люди нередко постоянно страдают от *недоволенности* собственного личного идеала, от того, что они не идеальны, а обладают многими недостатками: ленивы, гневливы, не собраны, телесно не совершенны. Тогда «идеальное Я» вместо цели развития становится для бытийной укорененности настоящей бомбой, постоянной ложкой дегтя, подливаемой в повседневное существование. Самовлюбленность – феномен негативный, но болезненная самокритика просто подрывает бытие индивида не хуже вражеского заряда.

На другую причину указывал Э. Фромм (Фромм, 1993), подчеркивая, что лицемерным буржуазным обществом, толкающим человека к поиску наживы, одновременно ставится знак равенства между любовью к себе и эгоизмом. Но, согласно Фромму, любовь к себе – вовсе не эгоизм. «Не любя себя», то есть, не понимая себя, не зная себя, не заботясь о развитии лучших своих сил, человек не может быть ни позитивным, ни продуктивным. Иными словами, тот, кто себя *не принимает, не признает, не поддерживает*, оказывается не способен ни к самостоятельности и автономии, ни к внутреннему богатству. «Умаление себя», быть может, необходимо для тех, кто поистине велик, а «средний человек», не святой и не гений, объективно онтологически не дорос до того, чтобы себя «умалить», он должен себя поддерживать, крепко стоять на земле, чтобы не взваливать на других обязанность быть себе опорой, а также чтобы иметь силы поддерживать и любить других. «Любовь, – пишет Э. Фромм, – феномен изобилия, избыточности; ее источник – сила дающей личности» (Фромм, 1993. С. 104). А избыточность сил для деятельной любви к людям, – подчеркнем это! – проявление того, кто сам крепок, чье бытие органично вписано в окружение, кто «подлинно есть» и кому интересно жить. Поделиться с другими можно только тем, что имеешь.

Поэтому «несовершенное Я» каждого из нас, чтобы чувствовать себя реальным и онтологически полноценным, должно опираться как на признание и поддержку социума, так и на выращенные в ходе взросления самопризнание и самоподдержку. Лишь тогда мы еще кому-нибудь и свет, и опора.

Проблема оправданности

Проблема *оправданности*, а значит, и *онтологической правомерности* личного человеческого бытия, характерна для разных философских учений, но в особенности для русской религиозной философии. Она тесно переплетается с вопросом о смысле жизни. Тем не менее по вопросу о том, кто и как анализировал тему оправданности в прошлом, и о том, как можно разрешать ее сегодня, написано не так много (Домусчи, 2011; Фетисов, 2011). Так или иначе, в теме оправданности тоже звучит мотив *принятия, признания и поддержки* со стороны той инстанции, которая нас оценивает и судит, в сущно-

сти, способна обвинить, но дает оправдание нашему бытию и тем нас поддерживает и вдохновляет для последующей жизни.

В рассмотрении оправданности как характеристики индивидуального бытия нет единства мнений, и «сетевое сообщество» яростно спорит на тему о том, не является ли вопрос об оправдании жизни просто проявлением рабской психологии, которой надо все время перед кем-то ломать шапку и оправдываться. Живем, дескать, хлеб жуем, и что еще надо? Но мне представляется, что тема оправдания имеет серьезные основания, и я согласна с С. А. Домусчи, который пишет: «Среди существующих этических категорий и понятий категория оправдания является важной составляющей духовной жизни человека и в этом смысле – наиболее практической, с точки зрения нравственной философии... В определенном смысле можно сказать, что нравственное сознание и нравственная рефлексия возникают как потребность человека в оправдании. Оправдание – это нравственный ответ человека на вызов зла, смерти, абсурда и неправды, которые всегда присутствуют в мире» (Домусчи, 2011).

Оправданность как бытийная укорененность и легитимность имеет, в сущности, два рассмотрения. С одной стороны, религиозно-идеалистическое, прежде всего христианское, представленное как раз именами Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и иных отечественных авторов, с другой стороны, светское, безрелигиозное, от античного (языческого) до современного, антрополого-гуманистического. Согласно христианскому подходу, жизнь человека имеет право, но свое наличие и не проходит зря, потому что человек находится в состоянии служения Богу. Его бытие оправдано тем, что он ведет себя согласно Божьим заповедям, добродетелен, кроток и справедлив, готов на подвиг во имя Божьего дела, несет другим добро и в случае необходимости проявляет жертвенность. Мы можем быть приняты и признаны Создателем, потому что идем по Его пути, и тогда, как говорит об этом П. Тиллих, нам нужно лишь «принять приятие», то есть принять то, что Бог принимает нас, таких несовершенных, в свои отцовские объятия: дает нам быть.

Антрополого-гуманистическая мысль, это мысль по большей части безрелигиозная, светская, и она говорит о праве на бытие и о том, что наше бытие «не зряшное», обращаясь не к Богу, а к другим людям и к собственному человеческому Я. С суждениями людей, в общем, все понятно, если они признают наши заслуги, благодарят нас, рады нам и поддерживают нас в наших начинаниях, то наша жизнь оправдана – мы полезны и ценны в глазах тех, с кем делим свою судьбу в этом мире. Сложнее в том случае, когда судьей, определяющей оправданность жизни, выступает собственное Я.

Здесь можно найти две версии: одна связана с оправданием нашего бытия той радостью и счастьем, которые мы переживаем, а вторая – с исполнением нами некоей, возможно, даже «нудительной» (термин М. М. Бахтина), то

есть переживаемой как необходимая и неизбежная, миссии, *которую мы не можем не признать*.

Оправдание жизни самой жизнью, ее наслаждениями, увлекательностью, богатством ее возможностей и путей принадлежит практически всем «философам жизни», как и писателям, которые вкусно и с удовольствием живописуют быт и человеческие отношения. «Пиковые переживания» (А. Маслоу) – лишь момент более широкого полотна, где и потери, и страдания вписываются в разноцветный ковер переживаний, где здорово жить, даже когда мучает боль, где сила страсти кружит голову, а познавательные открытия восторгают так же, как и практические достижения. Мы – законная часть бытия, и жизнь оправдана тем, что мы так сильно любили и так яростно к чему-то стремились. Наше бытие – приключение, подаренное неизвестно кем, но реальное. Хорошо пишет об этом В. В. Бибихин, обсуждая позицию И. Бентама: «Жизнь неким образом сама и только сама знает, как ей быть. Никакое наблюдение со стороны в этом не разберется. Пока кто-то наблюдает нас со стороны, он заметит примечательные детали, не больше. Самое заботливое обеспечение права со стороны может только косвенно соотноситься с самооправданностью жизни. Жизнь оправдана или нет не потому, что откуда-то ей спустили на это разрешение. Сначала есть ее стихия, разгул в радости и риске. Жизнь, упустившая самооправдание, уже не может быть восстановлена в своих правах. Бентамовский принцип права продолжает платоновско-аристотелевское понимание полноты бытия как счастья (эвдемонии, блаженства), принадлежит классике философии и остается необходимым во всякой теории права» (Бибихин, 2005).

Оправдание жизни исполнением призвания может коротко быть описано словами поэта Е. А. Баратынского: «Талант – это поручение от Бога, которое надо обязательно исполнить». Глубокая связь с бытием, «не зряшность», «не напрасность жизни», право «быть» и «быть настоящим», не ложным, не призрачным, не подмененным, обретается только исполнением жизненного проекта. «Жизнь – неизбежная необходимость осуществить проект бытия, который и есть каждый из нас. ... он – наше подлинное бытие, судьба» (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 439). Онтологическая реальность Я осуществляется принятием и признанием исполнения судьбоносной задачи: если выполнил, то и действителен, и оправдан.

Трудно? Трудно. Но быть и полноценно жить никогда не легко.

Думается, два отмеченных выше подхода могут находить успешный синтез, когда и наше Я, и Бог, и люди оказываются инстанциями, перед которыми нам самим хочется держать ответ.

Заключение

Завершая наше небольшое размышление, подведем его итог. Мы рассмотрели условия и характеристики онтологического положения личности

(человеческого Я) в культуре и выяснили, что для того, чтобы полноценно существовать и хорошо себя чувствовать в мире, человеку нужно быть *принятым, признанным и поддержанным* не только другими, но и самим собой. Это – две стороны одной медали, лишь в совокупности дающие чувство уверенности в реальности, и выпадение одного из этих звеньев, по существу, чревато и психологическими, и культурно-онтологическими проблемами. Единство экзистенциальной автономии и внешнего принятия позволяет каждому обладать «здоровым бытийным весом» и служить источником признания и поддержки для других.

Кроме того, для многих людей (хотя, наверное, не для всех) важна тема *оправданности* их жизни, и здесь возможно оправдание как самой жизнью с ее радостями и тревогами, так и исполнением внутреннего долга, личной миссией или же следованием заповедям Всевышнего. Наверное, нами затронуты не все виды оправдания, дающие человеку право ощущать себя «полноценно живым» и утвержденным в реальности. Например, есть еще любовь. Если человек глубоко и от души кем-то любим, то его бытие и значимо, и оправдано, и если он был наделен способностью сильно и верно любить, то это тоже говорит и о его онтологической силе, и о его востребованности жизнью: «любить иных тяжелый крест»¹. Впрочем, это такая большая тема, что о ней можно написать еще много статей и книг.

Список источников

Баранов В. Е. Личностное бытие как проблема социальной философии: автореф. дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Баранов Владимир Евгеньевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 33 с.

Бибихин В. В. Введение в философию права / В. В. Бибихин. – Москва: Юриспруденция. 2013 Т. 2. – 710 с. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2005/Bibichin_1.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Домусчи С. А. Оправдание как категория нравственной философии: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05 / Домусчи Стефан Александрович; [Место защиты: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого]. – Тула, 2011. – 23 с.

References

Baranov V. E. Personal existence as a problem of social philosophy. Abstract of the doctoral dissertation. *St. Petersburg*. 2008; 34 p. (In Russ.).

Bibikhin V. V. Introduction to the philosophy of law. *Moskva: Yurisprudentsiya = Moscow: Jurisprudence*. 2013; 2: 710 p. (In Russ.).

Domuschi S. A. Justification as a category of moral philosophy. The author's abstract. Cand diss. *Tula*. 2011; 23 p. (In Russ.).

Korolev A. V. Personal existence: existential-phenomenological analysis. Abstract of the candidate's thesis. *Ivanovo*. 2008; 22 p. (In Russ.).

Coolie H.-H. Selected Collection of translations. RAS. INION. *Moscow*. 2019; 234 p. (In Russ.).

¹ *Пастернак Б.* Любить иных... – URL: <https://stihi.ru/2016/01/16/8434> (дата обращения: 05.02.2024).

Королев А. В. Личностное бытие: экзистенциально-феноменологический анализ: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Королев Александр Валерьевич; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. – Иваново, 2008. – 22 с.

Кули Ч.-Х. Избранное Сборник переводов / Ч.-Х. Кули; РАН. ИНИОН. Москва, 2019. – 234 с.

Леви В. Искусство быть собой / В. Леви. – Москва: Знание, 1977. – 208 с.

Лэнг Р. Расколотое «Я» / Р. Лэнг. – Санкт-Петербург: Белый кролик, 1995. – 352 с.

Мелас В. Б. Шесть способов существования / В. Б. Мелас // Логико-философские штудии. – Санкт-Петербург 2016. – Вып. 14. – С. 224–231.

Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя / Ю. М. Орлов. – Москва: Просвещение, 1991. – 287 с.

Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – Москва: Искусство, 1991. – 588 с.

Резник Ю. М. Феноменология человека, бытие возможного / Ю. М. Резник. – Москва: Канон+, 2017. – 632 с.

Скуднова Т. Д. Гуманистические заповеди Карла Роджерса / Т. Д. Скуднова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. – 2022. – Вып. 2(298). – С. 73–80.

Тиллих П. Мужество быть / П. Тиллих // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. – Москва: Юрист, 1995. – С. 7–108.

Фетисов В. П. Оправдание жизни / В. П. Фетисов // Фетисов В. П. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. – Воронеж: Типография, 2011. – С. 364–391.

Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм // Фромм Э. Психоанализ и этика. – Москва: Республика, 1993. – 415 с.

Хант Г. О природе сознания. С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Г. Хант. – Москва: АСТ, Издательство Института трансперсональной психологии, Издательство К. Кравчука. 2004. – 555 с.

Levi V. The art of being yourself. Moskva: Znaniye = Moscow: Knowledge. 1977; 208 p. (In Russ.).

Lang R. The Divided Self. Sankt-Peterburg: Belyy Krolik = St. Petersburg: White Rabbit. 1995; 352 p. (In Russ.).

Melas V. B. Six ways of existence. Logiko-filosofskiye shtudii Vyp. 14. Sankt-Peterburg = Logical and philosophical studies. Issue 14. St. Petersburg. 2016; 224–231 (In Russ.).

Orlov Yu. M. Ascent to individuality: A book for a teacher. Moskva: Prosveshenie = Moscow: Enlightenment. 1991; 287 p. (In Russ.).

Ortega y Gasset H. In Search of Goethe. Ortega y Gasset H. Aesthetics. Flosophy of culture. Moskva: Iskustvo = Moscow: Art. 1991; 588 p. (In Russ.).

Reznik Yu. M. Human phenomenology, the being of the possible. Moscow: Canon+. 2017; 632 p. (In Russ.).

Skudnova T. D. The humanistic commandments of Carl Rogers. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of the Adygeya State University. Ser.: Pedagogy and psychology. 2022; 2(298): 73–80 (In Russ.).

Tillich P. The courage to be. Tillich P. Favorites. Theology of Culture. Moskva: Yurist = Moscow: Lawyer. 1995; 7–108 (In Russ.).

Fetisov V. P. Justification of life. Fetisov V. P. The sun does not set. Works on Moral Philosophy. Voronezh: Tipografiya = Voronezh: Printing House. 2011; 364–391 (In Russ.).

Fromm E. Man for Himself. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. Moskva: Respublika = Moscow: Republic. 1993; 415 p. (In Russ.).

Hunt G. On the nature of consciousness. From a cognitive, phenomenological and transpersonal point of view. Moskva: AST, Izdatel'stvo Instituta transpersonal'noy psikhologii, Izdatel'stvo K. Kravchuka = Moscow: AST, Publishing House of the Institute of Transpersonal Psychology, Publishing House of K. Kravchuk. 2004; 555 p. (In Russ.).

Shibutani T. Social psychology. Rostov-na-Donu: Feniks = Rostov-on-Don: Phoenix. 1999; 544 p. (In Russ.).

Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Личное бытие: признание и оправданность (к вопросу о социокультурной онтологии) // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 36–48.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.3
EDN SSHCAL

Сведения об авторе

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна
Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
AuthorID РИНЦ: 217149
elena_zolotuhina@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.02.2024
Одобрена после рецензирования – 14.03.2024
Принята к публикации – 15.03.2024

Information about author

Elena V. Zolotukhina-Abolina
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57224939622
elena_zolotuhina@mail.ru